

・
・

著者	
journal or publication title	論叢現代文化・公共政策
volume	7
page range	87-102
year	2008-03-10
その他のタイトル	Discursive Practices in Modern Russian Mass-Media : Analysis of the aggressive discursive behaviour of journalists
URL	http://hdl.handle.net/2241/98434

Речевые практики в современных российских СМИ (анализ агрессивного речевого поведения журналистов)

Т.И.Попова

1. Введение

Непосредственное отношение к теме нашей статьи имеет публикация В.И.Конькова «О некоторых особенностях речевой практики современных СМИ», в которой автор выражает обеспокоенность повышенной *агрессивностью речевого поведения* журналистов и участников телевизионных программ. Автор пишет, что в последнее время «появляются целые издания, телепередачи, для которых агрессивный тип речевого поведения является главным, конституирующим» (Коньков 2006: 19).¹

Повышенной агрессивностью отличается речевое поведение не только ведущих программ, изначально построенных по принципу спора, таких как «К барьеру», «Школа злословия»², но и других радио- и телевизионных программ. В чем это выражается? В основном, в том, что журналисты придерживаются некооперативного типа речевого поведения. Этот тип речевого поведения основан на психологической установке говорящего *против партнера коммуникации* и проявляется в конфликтном речевом поведении. В межличностном бытовом общении такой тип речевого поведения выливается в «коммуникативный садизм, когда партнер по общению становится объектом словесного издевательства» или объектом манипуляции, вследствие того что «говорящий не испытывает уважения к адресату своего высказывания, считая его по интеллектуальным и этическим качествам существом, менее развитым» (Седов 2002: 271).

Конфликтное речевое поведение говорящего в бытовом общении характеризует его как человека с низким уровнем речевой культуры, так как способность к кооперации в межличностном взаимодействии является одним из главных критериев определения уровня коммуникативной компетенции. Считается, что грубость речевого поведения свойственна людям малообразованным, носителям просторечной культуры. Тогда встает вопрос, почему современные журналисты склонны к конфликтному агрессивному типу речевого поведения? Свидетельствует ли это о снижении уровня речевой культуры образованных носителей русского языка или это новая форма (возможно, новая знаковая система) речи, имеющая свои определенные функции, отличные от прямого оскорбления и унижения собеседника в просторечной культуре? В данной статье мы постараемся ответить на эти вопросы.

2. Понятия «просторечие», «просторечная культура»

В настоящее время термин «просторечие» имеет разные толкования в зависимости от понимания членения национального языка. В рамках *стратификационной модели*, которая представляет язык как иерархизованную вертикаль со строгой субординацией ярусов (или страт) языка, просторечие занимает нишу между литературным языком и жаргоном и диалектами. Социальной базой носителей просторечия, при таком подходе, считают жителей города, не имеющих образования, преимущественно старшего поколения, «речь которых обнаруживает явные связи с диалектом или полудиалектом» (так называемое, просторечие-1) (Крысин 1989: 56).

При *коммуникативном подходе*³ язык представляется как бинарное строение, состоящее из двух подсистем: подсистемы «языкового обеспечения высших коммуникативных функций, а также официального публичного и полуофициального интерперсонального общения (при отсутствии доверительных межличностных отношений)», и подсистемы «языкового обеспечения непринужденного повседневного общения» (Нещименко 2000: 215). Бинарное членение языка предполагает диглоссию индивидуума, т.е. наличие у каждого носителя языка двух систем, которыми он пользуется в зависимости от характера ситуации общения (официальной или неофициальной). При таком подходе нет специального слоя носителей просторечия и само понятие «просторечия», как языка малообразованных горожан, не используется.

Понятно, что журналистская речь относится к сфере официального публичного общения и не может строиться как непринужденная повседневная речь. Однако именно радио- и телевизионная речь, в силу своей устности и установки на интерактивность, допускает такие модели речевого поведения, которые сближают ее по некоторым показателям с просторечной речевой культурой. Речь в первую очередь идет об этических нормах поведения.⁴

По результатам исследования просторечной культуры, в ней «снимаются запреты на многие табуизированные темы, среди которых болезни, смерть, секс, частная жизнь близких, публичных, незнакомых людей» (Шалина 2005: 214). Именно эти темы являются, зачастую, основными в современных телевизионных программах, см., например, названия телевизионных программ «Лолита без комплексов», «Пусть говорят».⁵

С другой стороны, просторечная культура «недостаточно впитала в себя церемониальный этикет, вследствие этого для носителя культуры считается нормальным, например, беззастенчиво разглядывать незнакомого человека, рассказывать малознакомым людям о своих мыслях, интимизировать общение, откровенно переживать свое эмоциональное состояние, прямо выражать свое отношение к происходящему» (Шалина 2005: 214). Не случайно, вероятно, на телевидении появляются такие программы, в которых обсуждается,

как человек одет (например, программа «Модный приговор»⁶). Популярной является программа «Жди меня»⁷, где люди встречаются через много лет и эмоционально, на глазах у публики, переживают радость встречи.

С третьей стороны, просторечная культура – это культура «традиционалистского» типа со свойственными ей идеологическим и языковым консерватизмом, опорой на традиции и авторитеты, ментально-психологической ригидностью, каноничностью речевого поведения. Авторитарность мышления делает ее назидательной, склонной к сентенциям, морализаторству и агрессии». (Там же) Подобное речевое поведение можно наблюдать в программе М.Леонтьева «Однако»⁸ и во многих других программах.

Таким образом, журналистская речевая практика вбирает в себя традиционную просторечную культуру, оставаясь при этом в рамках публичного официального общения. С нашей точки зрения, некоторые черты просторечной речевой культуры свидетельствуют не о снижении журналистской речевой культуры, а о их новом качестве, проявляющемся в другом языковом окружении. Попробуем доказать эту мысль, рассмотрев типичные формы выражения несогласия в журналистской речи. Проанализируем с этой целью речевое поведение журналистов радиостанции «Эхо Москвы», которые долгое время работали и на телевидении. В качестве материала для анализа используются такие программы, как «Коробка передач», «Человек из телевизора» (ведущая обеих программ Ксения Ларина), «Разворот» (ведущий А.Венедиктов), выходившие в эфир в 2006-2007 гг.

3. Особенности речевого поведения журналистов в ситуации конфликтного общения

Известно, что ситуация конфликта, в которой присутствует определенное психологическое напряжение, обостряет все типичные черты речевого поведения говорящего. Под *коммуникативным конфликтом* понимают «речевое столкновение, которое основано на агрессии, выраженной языковыми средствами» (Седов 2002: 269). В основе коммуникативного конфликта обычно лежит «стремление одного (или обоих) участников общения снять психологическое напряжение за счет собеседника. Такого рода разрядке (выпусканию паров) предшествует чувство фрустрации – психологический дискомфорт, возникающий при невозможности добиться какой-либо цели» (там же). В межличностном общении фрустрация, как правило, возникает, когда партнер коммуникации нарушает неписаные правила поведения. Есть основания предполагать, что в случае общения журналиста и гостя программы коммуникативный конфликт специально провоцируется журналистом с целью вывести собеседника из состояния психологического равновесия и добиться от него более острых неконтролируемых высказываний.

Чтобы доказать эту гипотезу, проанализируем средства выражения несогласия в речевом поведении журналистов. Объектом нашего анализа будут типизированные формы выражения несогласия, называемые «речеповеденческими стереотипами». Речеповеденческие стереотипы – это «речевые клише (устойчивые воспроизводимые слова и обороты), закрепленные за типичными коммуникативными ситуациями. Это могут быть слова-привычки, аксиологические характеризаторы, частотные сочетания слов, выражения, разговорные речевые формулы, микротексты и даже определенные последовательности микротекстов, сопровождаемые символическими действиями (ритуалы). Некоторые речеповеденческие стереотипы сопровождаются или заменяются жестами, за которыми закрепляются культурно обусловленные конвенциональные значения» (Шалина 2005: 208). Как видим, в понятие «речеповеденческий стереотип» входит широкий набор средств, обладающих характеристиками повторяемости, стереотипности и закреплённостью за определенной ситуацией общения.

В ситуации обсуждения актуального социально значимого явления или события, в ходе которого журналист и собеседник дают оценки этому явлению или событию, выделяются несколько типичных конфликтных ситуаций, в рамках которых можно выделить характерные речеповеденческие стереотипы. К таким ситуациям, с нашей точки зрения, относятся следующие: *отказ собеседника давать оценку событию, искажение собеседником точки зрения журналиста, несогласие журналиста с собеседником по поводу оценки события или явления, различия в трактовке фактов*. Рассмотрим подробнее эти конфликтные ситуации.

Наиболее остро конфликтное речевое поведение журналиста проявляется в ситуациях отказа собеседника давать оценку событию и в случае искажения собеседником точки зрения журналиста, т.е. в тех ситуациях, которые напрямую связаны с речеповеденческими ролями говорящих. Как известно, за журналистом в интервью закреплена роль ведущего, он обладает правом задавать вопросы, он следит за соблюдением норм жанра интервью, где гостю предписывается давать ответы, высказывать свою точку зрения. Поэтому для этих ситуаций характерны наиболее агрессивные речеповеденческие стереотипы, связанные с осуждением речевого поведения собеседника в эмоциональной грубой форме. К таким речеповеденческим стереотипам можно отнести следующие: *Перестаньте! Ну что за идиотский разговор! Ну и что? Мало ли чего сложного в жизни? Да нет. Почему Вы так сразу? Ну, почему Вы так сразу упрощаете мое мнение? Что за ерунду вы сейчас говорите!*

Все эти реплики являются реакциями журналиста на речевое поведение собеседника. Рассмотрим эти ситуации по порядку.

3.1. Реакция журналиста на речевое поведение собеседника

3.1.1. Реакция на отказ отвечать

Перестаньте! Ну что за идиотский разговор!

В данной ситуации журналист использует речевой стереотип, оценивающий речевое поведение собеседника как неуместное. За данным речевым стереотипом закрепились функция управления речевым поведением собеседника. Императив (*перестаньте*) в сочетании с прямой оценкой (*идиотский разговор*), включенной в экспрессивную синтаксическую конструкцию (*Ну что за*), носит характер увещевания и призыва соблюдать нормы, предписываемые жанром интервью. См. пример (1).

(1) К. ЛАРИНА: *Это как раз вот я об этом. Я вообще не хотела, чтобы у нас была сегодня какой-то такой разговор, что мы будем сегодня каждую номинацию вычленять и рассказывать, что она ужасная, а нам будет Любимов говорить: нет, она прекрасная.*

А. ЛЮБИМОВ: *Да, нет, я вообще буду молчать.*

К. ЛАРИНА: *Перестаньте. Ну, что это за идиотский разговор!*

А. ЛЮБИМОВ: *Извините.* (Коробка передач. Эхо Москвы. 13 ноября 2006 г.)

3.1.2. Реакция на уклонение от ответа

Ну и что? Мало ли чего сложного в жизни?

Журналист пресекает попытки собеседника уклониться от ответа, используя речевые стереотипы возражения (*Ну и что? Мало ли чего?*), в грубой форме признающие причину уклонения от ответа несущественной, неважной. Данная речевая формула зафиксирована в словарях: см., например, «*Мало ли что* (разг.) – неважно, несущественно. *Мало ли что устали, отдохнуть некогда.*» (Ожегов, Шведова 1992: 161). В бытовом диалоге такая речевая формула характерна для человека, чей социальный статус выше социального статуса собеседника. В ситуации интервью данная речевая формула носит явно провокационный характер, вынуждая собеседника дать оценку явлению. См. пример (2).

(2) А. БОРОДИНА: *Здесь столько вопросов, на которых нет ответа, что и Познеру, и самим членам академии, и вообще телевизионному сообществу, боюсь, ответы на эти вопросы найти сложно. Но...*

А. ВЕНЕДИКТОВ: *Ну и сложно. Ну и что? Мало ли чего сложного в жизни!* (Разворот. Эхо Москвы. 16 марта 2007 г.)

3.1.3. Реакция на агрессивное поведение собеседника

Да нет. Почему Вы так сразу? Ну, почему Вы так сразу упрощаете мое мнение? Что за ерунду вы сейчас говорите!

При том что журналист зачастую упрощает, искажает точку зрения собеседника в провокационных целях, он никогда не допускает искажения своей точки зрения. В этой ситуации часто используются *Почему*-реплики, содержащие в себе интенцию обвинения и возражения. В отношении радиослушателей используются и более резкие оценочные суждения (*Что за ерунду вы говорите!*) в сочетании с отрицанием приписываемой точки зрения (*Когда я кого позвала на баррикады?*), содержащим эмоцию возмущения. См. примеры (3), (4), (5).

(3) А. ЛЮБИМОВ: *И Вы считаете, что это вот для Вас и для зрителей, я понимаю, Вы произносили слово "прямой эфир", и слушатель на это реагирует: о, нет прямого эфира, нет свободы. Вы так к этому...*

К. ЛАРИНА: *Нет, ну, почему Вы так сразу? И опять же...*

А. ЛЮБИМОВ: А как? (Коробка передач. Эхо Москвы. 13 ноября 2006 г.)

(4) А. ЛЮБИМОВ: *Ваша точка зрения. Мы оцениваем что, возможность назвать Путина фашистом, или...*

К. ЛАРИНА: *Ну, почему Вы так сразу упрощаете, вот мое мнение.*

А. ЛЮБИМОВ: *Объясните, что Вы имеете в виду?*

К. ЛАРИНА: *Разность позиций, разность взглядов.* (Коробка передач. Эхо Москвы. 13 ноября 2006 г.)

(5) МИХАИЛ: *Вы все время всех зовете на баррикады.*

К. ЛАРИНА: *Слушайте, ну, что Вы ерунду сейчас говорите. Когда я кого позвала на баррикады? Вот что Вы мне все приписываете? О чем Вы говорите?*

МИХАИЛ: *Не конкретно Вы. Но вот структура, в которой Вы работаете.* (Коробка передач. Эхо Москвы. 13 ноября 2006 г.)

Таким образом, все попытки собеседника отклониться от выполняемой социальной роли субъекта оценки и, наоборот, выход за рамки предписываемых социальной ролью функций, в частности, перехват инициативы в диалоге и оценка речевого поведения ведущего, вызывают негативную эмоциональную реакцию журналиста, старающегося поставить собеседника в рамки, предписываемые жанром интервью.

3.2. Несогласие журналиста с собеседником по поводу оценки события или явления

Следующей конфликтной ситуацией в интервью, к которому обсуждаются новые явления и события, является несогласие журналиста с собеседником по поводу оценки события или явления. Типичными речевыми формулами в этой ситуации являются следующие: *Ты сам себе противоречишь. Ну, ладно, прекратите! Я Вас умоляю! Какая разница! Неважно! Ну как это (лучше)? Ну в чем здесь (тонкость)? Где здесь (тонкость)?* Каждая из этих речевых формул имеет свои функции. Рассмотрим их подробнее.

3.2.1. Указание на противоречие в аргументации собеседника

Ты сам себе противоречишь.

Данная речевая формула при использовании ты-общения резко снижает ценность аргументов, приводимых собеседником.

(6) К. ЛАРИНА: Ты сам себе противоречишь. Ты не отвечаешь на простой вопрос.

С. ВАРШАВЧИК: Почему?

К. ЛАРИНА: *Потому что русские тогда так же играют убого и плоско.*

(Коробка передач. Эхо Москвы. 20 ноября 2006 г.)

3.2.2. Оценка чужого мнения (утверждения) как ложного

Ну, ладно, прекратите! Я Вас умоляю!

Данные речевые формулы с соответствующей интонацией (с растягиванием гласных, *Ну, ла-а-адно! Я Вас умоля-я-яю!*) используются журналистом в тех случаях, когда он хочет сказать собеседнику: я прекрасно понимаю, что вы сами не верите в то, что говорите; то, что вы говорите, очевидная неправда, и вы сами это знаете; не надо никого обманывать. В основе этих речевых формул лежит предписание/ просьба не приводить ложные аргументы. В примере (7) ложной, с точки зрения журналиста, является оценка телевизионной программы «Квартирный вопрос» как просветительской, а в примере (8) журналист не согласен с оценкой возможностей телезрителей, он считает, что, посмотрев новости одного канала, телезритель не сможет составить собственного мнения о происходящих событиях.

(7) К. ЛАРИНА: *А просветительское (телевидение – Т.П.) у нас есть?*

А. ЛЮБИМОВ: Конечно.

К. ЛАРИНА: *Ну, например.*

А. ЛЮБИМОВ: *А, Вам программы нужно? Ну, я не знаю, "Умники и умницы", кстати, тот же "Квартирный вопрос" можно считать просветительской, с моей точки зрения.*

К. ЛАРИНА: Ну, ладно, прекратите.

А. ЛЮБИМОВ: *А я считаю, да.*

К. ЛАРИНА: *Это скорее развлекательная. (Коробка передач. Эхо Москвы. 13 ноября 2006 г.)*

(8) А. ЛЮБИМОВ: *Я думаю, у Вас есть возможность сделать собственные выводы...*

К. ЛАРИНА: *Я Вас умоляю...*

А. ЛЮБИМОВ: *Как и у зрителя...*

К. ЛАРИНА: *Да, нет, у меня-то, конечно, есть. Потому что у меня есть возможность и интернет почитать. У меня есть возможность посмотреть спутниковое телевидение. Правда же? У меня есть возможность почитать прессу самых разных стран, да. А у людей, которые составляют основную часть аудитории телевизионной, таких возможностей нет. (Коробка передач. Эхо Москвы. 13 ноября 2006 г.)*

3.2.3. Признание аргумента собеседника несущественным

Какая разница! Неважно!

Эти речевые формулы выражают безразличие к мнению собеседника. Его аргумент признается не меняющим общую оценку ситуации. Журналист дает понять, что он остается при своем мнении, доводы собеседника его не убедили. В словаре зафиксировано данное словоупотребление как разговорное: «Какая разница! (разг.) – не все ли равно?» (Ожегов, Шведова 1992: 672). См. примеры (9), (10).

(9) А. БОРОДИНА: *У нас, слава богу, телеакадемия – еще не Совет безопасности.*

А. ВЕНЕДИКТОВ: *Какая разница? Это и есть обсуждение. Когда показывают «Оскар» - это что, для киноведов, что ли? Народ сидит и смотрит, потому что он смотрит, ему важно понять: почему я считаю фильм о Гарри Поттере лучшим, а они дали приз какому-то там «Английскому пациенту». (Разворот. Эхо Москвы. 16 марта 2007 г.)*

(10) И.ПЕТРОВСКАЯ: *Давай все-таки немножечко...подождем, и вот почему – потому что я уверена и знаю, что для Малкиной это первый опыт, и для Бокушинской, скорее всего, тоже первый опыт ведения, а первые блины редко у кого получаются не комом.*

К.ЛАРИНА: *Неважно, нельзя было столько людей приглашать, половину выгонять надо. (Человек из телевизора. Эхо Москвы. 17 марта 2007 г.)*

3.2.4. Постановка под сомнение чужого мнения

Ну как это (лучше)? Ну в чем здесь (тонкость)? Где здесь (тонкость)?

Данный прием основан на запросе разъяснения оценки, высказанной собеседником. Однако сама форма уточнения, включающая оценочное суждение собеседника в эмоциональную конструкцию возражения (*Ну как это? Ну в чем здесь? Где здесь?*), поддержанная соответствующей интонацией, говорит о том, что цель этого уточнения не запрос дополнительной информации, а скорее, демонстрация неуместности (ложности) оценки, высказанной собеседником. С помощью этих речевых формул журналист в издевательской форме ставит под сомнение оценку ситуации, данную собеседником. См. пример (11).

(11) А. ЛЮБИМОВ: (...) *Но в целом, отвечая все-таки на поставленный вопрос, хочу сказать, что, в общем-то, выбор членов академии с каждым годом ну все-таки лучше и лучше, так мне кажется. Я не знаю, что значит лучше...*

К. ЛАРИНА: *Ну, как это лучше и лучше?*

А. ЛЕВКИН: *Тоньше и тоньше.*

А. ЛЮБИМОВ: *Да, тоньше и тоньше.*

К. ЛАРИНА: *Ну, в чем здесь тоньше и тоньше? Вот развлекательная программа размножилась уже аж на три номинации.*

Е. ЛАНКИНА: *На три, на три.*

К. ЛАРИНА: *Где здесь тонкость? Такой тонкий жанр? Не умещается уже в одну номинацию. (Коробка передач. Эхо Москвы. 13 ноября 2006 г.)*

Как видно из примеров (6) – (11), аргументы и оценочные высказывания собеседника журналист подвергает оценке с точки зрения истинности/ложности, уместности/неуместности, правильности/неправильности, существенности/ несущественности. Используя речевые формулы, за которыми закреплены определенные эмоциональные и оценочные значения, журналист дает ориентир слушателям, как воспринимать высказанные оценки. Показательна позиция этих оценочных высказываний. Чаще всего они встречаются в реплике журналиста, завершающей обсуждение данной проблемы. Как правило, после этих реплик собеседнику не дают возможность далее защищать свою точку зрения. Не случайны такие реакции-обиды собеседника (*Ну, Вам виднее. Ну, я лучше тогда помолчу.*)

3.3. Реакция журналиста на факты, приведенные собеседником

Третью группу конфликтных ситуаций можно объединить под названием «Реакция

журналиста на факты, приведенные собеседником». В нее входят такие ситуации, как несогласие с интерпретацией факта, приведение опровергающих фактов, выражение сомнения в фактах, уличение собеседника во лжи, объявление информации неактуальной или общеизвестной. Все перечисленные случаи сопровождаются эмоциями возмущения, удивления. К данной группе речеповеденческих стереотипов относятся следующие: *Привет! Здрасьте! Ну, подожди(те)! Как не (что)! Секундочку! Не надо! Знаем! Я тебе скажу страшную тайну. Я Вас поздравляю. Да иди ты!*

3.3.1. Несогласие с оценкой, интерпретацией факта.

Привет! Здрасьте!

Данная речевая формула отвергает сам приведенный факт, включает повтор реплики собеседника в экспрессивной синтаксической конструкции возражения (*Ну, здрасьте, как же финансистов?*). Неполная форма произношения со стяжением (*Здрасьте*) обычно используется в неформальном общении и служит дополнительным средством снижения ценности приведенного факта. В словарях эти формы зафиксированы как просторечные: «Привет. – выражение недоумения, несогласия (прост.)» (Ожегов, Шведова 1992: 605); «Здравствуй (те) (аст) – межд. Выражение удивления, недовольства (прост.)» (там же: 232). См. пример (12).

(12) А. ЛЮБИМОВ: *Нет, но я думаю, рейтинг вообще позиция, которая интересует только финансистов, ну, если говорить серьезно про рейтинг.*

К. ЛАРИНА: *Ну, здрасьте, как же финансистов, когда каждый раз, когда мы начинаем обсуждать каждый раз ту или иную программу, у которой высокий рейтинг и сомнительная репутация, нам все время телевизионщики возвращают этот упрек: люди же смотрят, значит, это хорошо.* (Коробка передач. Эхо Москвы. 13 ноября 2006 г.)

3.3.2. Опровержение фактов, приводимых собеседником.

Ну, подожди(те)! Как не (что)! Секундочку!

Данные речевые формулы используются в том случае, если журналист хочет сказать: постойте, есть другие факты. При этом он выражает крайнее удивление фактами, приведенными собеседником, включая их в реплики-повторы (*там в студии были столкновения точек зрения - вот тебе столкновение мнений*). В словаре зафиксировано следующее значение: «Подожди(те). – выражение удивления, сомнения, припоминания». (Ожегов, Шведова 1992: 555). См. примеры (13) и (14).

(13) И. ПЕТРОВСКАЯ: *Я тут недавно просто просматривала какие-то кассеты, чтобы что-то освободить, или новое записать. И наткнулась, как раз на "Итоги". Поразила тому, вот насколько действительно время изменилось. Там были большие*

именно чеченские репортажи, там в студии были столкновения точек зрения...

К. ЛАРИНА: Ну. Ир. ну. подожди. "Судите сами" передача, опять же "Воскресный вечер..." у Соловьева, "К барьеру" – вот тебе столкновение мнений, все искрит кругом. Все орут, кричат. У всех разные точки зрения. (Коробка передач. Эхо Москвы. 27 марта 2006 г.)

(14) А. БОРОДИНА: Но они же вышли не из эфира. Я просто в данном случае как-то вынуждена даже их очистить, встав на их сторону.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Как не из эфира?

А. БОРОДИНА: Ну они не из эфира. Они в эфире-то остаются, слава тебе, господи. (Разворот. Эхо Москвы. 16 марта 2007 г.)

3.3.3. Выражение сомнения в фактах, приводимых собеседником. Уличение собеседника во лжи.

Ну, ладно! Не надо! Знаем!

Данные речевые формулы в грубой форме сообщают собеседнику о том, что объяснения собеседника не соответствуют реальной ситуации и всем хорошо известна реальная ситуация. Данные речевые формулы сопровождаются интонацией возмущения.

(15) А. БОРОДИНА: Да, и я вчера задала вопрос Владимиру Кулиستикову – к сожалению, тут уже просто по месту не вошло – знает ли коллектив журналистский о его решении. Он мне сказал, что да, «все проинформированы, я это объявил».

А. ВЕНЕДИКТОВ: Если бы все были проинформированы, это утекло бы в ту же секунду. Только не надо вот нам это рассказывать. На блогах в интернете, в «живых» журналах. (Разворот. Эхо Москвы. 16 марта 2007 г.)

(16) А. БОРОДИНА: Нет, про ТНТ... Ну я просто думаю, что это разные истории, хотя...

А. ВЕНЕДИКТОВ: Ну ладно. мы газпромовский (неразб.), знаем, как у нас принимаются решения. Не надо. (Разворот. Эхо Москвы. 16 марта 2007 г.)

3.3.4. Снижение ценности информации, сообщаемой собеседником, объявление ее неактуальной или общеизвестной.

Я тебе скажу страшную тайну. Я Вас поздравляю.

Как и в случае 3.3.1 (Здрасьте! Привет!), в данной ситуации используются речевые формулы в переносном значении. Несоответствие плана выражения и плана содержания

подчеркивает ироничное отношение говорящего к сообщаемым фактам. Происходит утрирование ситуации. Речевая формула *Я тебе скажу страшную тайну* означает: то, что ты сказал, тайной не является, это знают все. В речевой формуле *Я Вас поздравляю* присутствует еще дополнительный оттенок: вы сделали «открытие», которое известно каждому. Ирония, содержащаяся в этих речевых формулах, с одной стороны, обостряет конфликт, с другой стороны, сглаживает, так как выражает негативную оценку в шутливой форме. См. примеры (17) и (18).

(17) С. ВАРШАВЧИК: *Понимаете, там ведь была заложена некая мина замедленного действия, о которой мы сейчас не говорим. О том, что половина актеров, в основном иностранных, они роман практически не читали...*

К. ЛАРИНА: *Я тебе скажу страшную тайну. Я уверена, что, и многие наши не читали.* (Коробка передач. Эхо Москвы. 20 ноября 2006 г.)

(18) К. ЛАРИНА: *Почему его (прямого эфира – Т.П.) нет на телевидении? Я спрашиваю Вас.*

А. ЛЮБИМОВ: *Ну, новости идут в прямом эфире.*

К. ЛАРИНА: *Ну, еще бы новости у нас в записи шли. Я Вас поздравляю.*

(Коробка передач. Эхо Москвы. 13 ноября 2006 г.)

3.3.5. Выражение удивления, изумления фактом, приводимым собеседником.

Да иди ты!

Данное междометие означает «Не может быть, я не верю, я крайне удивлен!». Употребление данного междометия свидетельствует о неформальных отношениях общающихся, в большей степени выражает эмоцию удивления, чем недоверие.

(19) И.ПЕТРОВСКАЯ: *Да не в этом дело, мне б очень хотелось, чтоб она встала и вышла, потому что когда ей говорят «Вы корейка?», она говорит «Да нет, я калмычка» «Это от слова колымить?» ха-ха-ха «А можно, мы собачку в студию пустим – вы ее не съедите, случайно?» - вот на этом уровне, понимаешь?*

К.ЛАРИНА: *Иди ты.*

И.ПЕТРОВСКАЯ: *Я тебе клянусь, я ошалела, это я просто еще более или менее пристойно пересказываю.* (Человек из телевизора. Эхо Москвы. 17 марта 2007 г.)

Проанализированные группы речеповеденческих стереотипов, употребляющихся в ситуациях реагирования журналиста на речевое поведение собеседника, расхождения

взглядов на события или явления, а также интерпретацию фактов, свидетельствуют о том, что все они, помимо функции выражения несогласия, имеют дополнительные функции, связанные с наличием двойного адресата. Для радиослушателей данные сниженные в стилистическом плане речевые формулы являются закрепленными за определенными оценочными ситуациями бытового общения. Тем самым, с нашей точки зрения, журналист помогает радиослушателям составить свое представление о социально значимой ситуации, используя типичную для обывденного сознания шкалу ценностных координат.

4. Выводы.

Итак, вернемся к вопросу, поставленному нами в начале статьи: свидетельствует ли конфликтное агрессивное речевое поведение журналистов о снижении уровня их речевой культуры или это новая форма речевого поведения, имеющая свои особые функции, отличные от прямого оскорбления и унижения собеседника в просторечной культуре?

Мы склоняемся ко второму ответу. Если сравнить набор и функции речевых формул, используемых в бытовом межличностном общении, то можно увидеть существенную разницу (см. Баранов, Добровольский 2003). В бытовом общении речевые формулы являются непосредственной эмоциональной реакцией говорящего на компоненты ситуации общения (например, *Черт побери! Ничего себе! Ну и ну!* и др.) и имеют функцию стабилизации эмоционального состояния говорящего. В ситуации же публичного межличностного общения это, скорее, вербальный вторичный знак – призыв к радиослушателям разделить точку зрения журналиста. Нам думается, что в данном случае мы имеем дело с новым способом семиотизации. Миха Яворник, ссылаясь на идеи М.Бахтина, связывает новый виток развития культуры с процессом диалогизации и фамилльяризации, благодаря которому «все высокое, отдаленное, авторитарное, абсолютное воспринимается как нечто близкое будничному, домашнему» (Яворник 2007: 77). Новые формы интерактивных программ, когда каждый слушатель или зритель, может задать вопрос участникам программы, а журналисты являются узнаваемыми лицами, создает ситуацию, когда использование официальной литературной речи воспринимается участниками как нечто неестественное, не соответствующее ситуации общения. В этой ситуации происходит замена старых и поиск новых средств выражения, которые черпаются, естественно, из имеющихся систем, но не равны им.

Notes

¹ Среди наиболее агрессивных изданий автор называет ныне запрещенную газету «Лимонка» (газета Национал-большевистской партии), а также выходящие и поныне газеты «Советская Россия» и

«Дуэль», телевизионную программу «Окна» (канал ТНТ, ведущий Д.Нагиев) и «Школу злословия» (ток-шоу, ведущие Т.Толстая и Д.Смирнова), реалити-шоу «Дом-2» (канал ТНТ, ведущая К.Собчак).

² Ток-шоу «К барьеру» и «Школа злословия» выходят на канале НТВ. «К барьеру» — «это словесная дуэль двух известных людей, придерживающихся противоположных взглядов на какую-либо из актуальных проблем. Зачинщик поединка приглашает своего соперника на публичное выяснение отношений.(...) В качестве независимой стороны, регулирующей словесную баталию, выступает известный телеведущий Владимир Соловьев, который превращает эту схватку в яркое захватывающее зрелище» (<http://promo.ntv.ru/talkshow>).

По словам авторов, ток-шоу «Школа злословия» — «не что иное, как «психоанализ имиджа» публичных людей. Беседа ведущих с гостем в студии (...) напоминает словесную дуэль — острую, ироничную, иногда комическую, но и принципиальную. В конце программы ведущие анализируют беседу и поведение гостя уже после студийных съемок. Это «обсуждение за глаза» и является ключом к пониманию образа героя» (<http://promo.ntv.ru/talkshow>). Ведут программу писатель Татьяна Толстая и сценарист Авдотья Смирнова.

³ В пользу коммуникативного подхода говорит и расширение носителей так называемого «просторечия-2», «носителями которого являются горожане среднего и молодого возраста, имеющие незаконченное среднее образование, ... их речь лишена диалектной окраски и в значительной степени жаргонизирована» (Крысин 1989: 56). Многие исследователи признают, что социальная база просторечия расширяется, носителями просторечия могут быть люди, обладающие совершенно разными социальными и возрастными характеристиками, при этом уровень образования не является дифференцирующим признаком (см. Ерофеева 2003, Нецименко 2000, Прияткина 2000). Таким образом, просторечие, в современном русском языке потеряло четкую социальную привязку и чаще говорят о просторечной речевой культуре, связанной с определенным типом речевого поведения.

⁴ Признание диглоссии индивидуума не снимает вопроса о принадлежности его к тому или иному типу речевой культуры, носителем которой он является. Так, черты просторечной речевой культуры могут попадать и в сферу официального общения. По наблюдениям А.Ф.Прияткиной, «просторечие живет и в деловой речи, причем не только в устном, но и в письменном исполнении», «носитель просторечия говорит на разные темы и в разных ситуациях, он выступает в разных ролях, например, в роли администратора или в роли депутата Государственной думы» (Прияткина 2000: 232). Возможен вариант, когда элементы просторечного речевого поведения журналиста будут являться следствием того, что он носитель просторечной речевой культуры.

⁵ Ток-шоу «Лолита без комплексов» и «Пусть говорят» выходят на Первом канале. Ведущая первой программы - известная певица Лолита Милявская. Она «говорит о том, что волнует не только ее, но и зрителей у экранов. Темы касаются семейных проблем, взаимоотношений отцов и детей, мужчин и женщин, секса, любви... (...) Лолита беседует с людьми как близкая и родная. Она - подруга, которая

ничего не скрывает, не осуждает, но имеет право на откровенность и на самую нелицеприятную критику. Лолита сопереживает, плачет и смеется со своими гостями. Она срывает маски, за которыми скрываются подлинные чувства, живые эмоции, в ее ток-шоу звучат простые человеческие слова. В студии всегда присутствуют профессиональные психологи, психотерапевты, которые дают героям конкретные советы и помогают найти путь из самых безвыходных ситуаций» (<http://www.1tv.ru>).

Кредо программы «Пусть говорят» (ведущий Андрей Малахов) следующее: «Настоящие, невыдуманные истории людей задевают больше, чем пафосные рассуждения на общие темы, потому что, вынося на обсуждение частную проблему отдельного человека, отдельной семьи, мы говорим о том, что волнует всех без исключения... Права ли директор школы, которая исключила учительницу за то, что та работает стриптизершей в ночном клубе? Должны ли такие учителя воспитывать наших детей? Можно ли оправдать отца, убившего насильника своей дочери? Имеем ли мы право на самосуд? (...) Конфликты сторон, споры, столкновение мнений - все это происходит в студии на глазах у всей страны. Говорят все - очевидцы, соседи, дальние и близкие родственники, противники и сторонники... Говорят известные политики, лучшие психологи, знаменитости, "звезды" шоу-бизнеса, журналисты... Говорят простые зрители, присутствующие в зале. Говорят люди с большим житейским опытом. И все это делает обсуждение в студии максимально объективным. Лучшим финалом наших программ является конкретная помощь людям, исправление ошибок и поиск компромиссов» (<http://www.1tv.ru>).

⁶ «Модный приговор» (Первый канал) - это первое на российском телевидении ток-шоу о моде и стиле. Герои передачи преобразуются на глазах у телезрителей два раза: «участники шоу дефилируют по подиуму в нарядах, выбранных самостоятельно, и в нарядах, подобранных им стилистами программы, а зрители в студии решают, кто же победил» (<http://www.1tv.ru>). Ведущий программы – известный кутюрье Вячеслав Зайцев.

⁷ «Жди меня» - это большой социальный проект, который помогает людям найти своих родственников и близких, потерянных в результате исторических потрясений, пережитых Россией в XX веке: «распад СССР, беженцы из "горячих точек" и вынужденные переселенцы, межнациональные конфликты, войны, заложники, репрессии» (<http://www.1tv.ru>). Ведущий программы – Игорь Кваша.

⁸ Аналитическая программа Михаила Леонтьева «Однако» (Первый канал) представляет собой авторский комментарий наиболее актуальных тем общественной и политической жизни.

Литература

- Баранов А.Н., Добровольский Д.О. (2003) Понятие речевой формулы: определение и типология // Русский язык сегодня. Вып.2. Сб.статей. – М.: «Азбуковник», 2003. – С. 39-55.
- Ерофеева Е.В. (2003) Статус просторечия в современном русском языке// Русский язык сегодня. Вып.2. Сб.статей. М.: «Азбуковник», 2003. – С.434-442.
- Коньков В.И. (2006) О некоторых особенностях речевой практики современных СМИ// Мир русского

слова. No 3. 2006. – С.18-20.

Крысин Л.П. (1989) Социолингвистические аспекты изучения русского языка. М., 1989.

Нещименко Г.П.(2000) К проблеме функциональной дифференциации этнического языка// Русский язык сегодня. Вып.1. Сб.статей. М.: «Азбуковник», 2000. – С.208-220.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. (1992) Толковый словарь русского языка. М.: АзъLtd., 1992.

Прияткина А.Ф. (2000) Просторечные новообразования: их основа и судьбы (К определению внутренних свойств просторечия) // Русский язык сегодня. Вып.1. Сб.статей. М.: «Азбуковник», 2000. – С. 231-239.

Седов К.Ф.(2002) Языковая личность в аспекте психолингвистической конфликтологии// <http://www.dialog-21.ru/materials/archive.asp?id=7379&y=2002&vol=6077>

Сиротинина О.Б. (2000) Русский язык в разных типах речевых культур // Русский язык сегодня. Вып.1. Сб.статей. М.: «Азбуковник», 2000. – С. 240-248.

Шалина И.В. (2005) Просторечная речевая культура: стереотипы и ценности // Известия Уральского государственного университета. Екатеринбург, 2005. No 35. – С.205-216.

Яворник М. (2007) О предсказуемости и непредсказуемости в развитии культуры // Болгарская русистика. 2007. No 1-2. – С. 71-89.